

как уехал наш Михалинов и... очень легко получают право на жительство, свободно передвигаются по стране и что-то делают...

А Михалинов — не “дикий”, не подозрительный тип, ловящий в мутной воде рыбу, а действительный член калмыцкой национальной организации, правда, простой калмык, антибольшевическое чувство и лояльное отношение которого к Маждугу-Тиге не подлежит никакому сомнению.

Наша же организация своей деятельностью, своим печатным органом в достаточной мере определила свою моральную и политическую сущность.

Михалинов вр. живет:

Mr Mikalinoff c/o Mr Tultz; Kakakashi Via Dairen.

VI.

КАЛМЫЦКАЯ РЕСПУБЛИКА ИЛИ СОВЕТСКОЕ ОЧКОВИРАТЕЛЬСТВО

Поставленным президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 22 октября 1935 г. Калмыцкая Автономная Область преобразована в “Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику”.

Вот что гласит этот исторический акт: — “Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет: В связи с 15-тилетием существования Калмыцкой Автономной Области и в соответствии с волеизъявлением ее трудящегося населения, — преобразовать Калмыцкую Автономную Область в существующих границах в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Председатель Всер. ЦИК М. Калинин. Секретарь Всер. ЦИК А. Киселев. Москва, Кремль, 22 октября 1935 г.”.

Это, так сказать, подарок “великого вождя” “трудящимся калмыкам” ко времени 15-тилетнего юбилея Калм. Ав. Области. По этому поводу во всей советской печати поднят что называется большой “бум”. Московская “Правда” (от 2 ноября) этому “событию” посвящает передовую статью “Пятнадцатилетие Калмыкии”; поместила большую статью калмыцкого “вождя” Пуреева “Страна, возвращенная к жизни”; большое стихотворение “зародящего поэта” Байраева; огромную фотографию “знатных женщин Калмыкии” — Сигановой, Шаншуквой, Лидиановой; еще большую фотографию калмыцких летчиков — Нухаева, Надбитова. Большая астраханская газета “Коммунист” (от 12 ноября) посвящает также соответствующие статьи и поэмы Колеява, Ларионова. Получены приветствия от всех глав отдельных сов. республик.

Не приходится говорить о том, какой истинный волея подняли калмыцкие борзопенцы в сов. калмыцких газетах по поводу “величайшего своего праздника — 15-тилетие автономии и преобразование области в республику” (“У. В.”, № 15). Празднование “величайшего праздника” началось 2 ноября и едва кончилось к вечеру 3-го ноября. На это празднество приехал “сам” секретарь совета национальностей т. Ханкевич.

Разумеется, празднование проходило по раз и навсегда установленному шаблону: “лучшие люди края и республики” то и дело появляются на сцене и провозглашают здравие великому вождю трудящихся, а благодарный народ от восторга ревет и мечет, чуть стены здания не разойдутся.

Итак, Калмыцкая Автономная Область преобразована в Калмыцкую Автономную С. С. Республику. Все, что необходимо было сделать по советскому ритуалу в подобных случаях, сделано. Все казенные празднества прошли. “Необычайная радость народа” также миновала. Догорели огни, завяли цветы... Наступили серые будни.

Но стало ли от этого жить легче? Облегчилась ли горькая доля калмыков? Придано ли этим хоть какое-нибудь национальное содержание этой внешней пышной форме? Приобрел ли калмыцкий народ хоть какой-нибудь тени власти? Был ли хоть малюсенький повод радоваться этому?

Нет, нет и еще раз нет!

Калмыцкий народ остался таким же беспартийным быдлом, объектом всяческих экспериментов, до нитки обобраным, хронически голодающим, с зубовым скрежетом власть про себя проклинающим.

Верхи калмыцкого народа по прежнему остались бездушными марионетками в руках Всевышней компартии. Они по прежнему продолжают играть роль бездушной прессы для успешного высасывания из народа всех его жизненных соков.

Полная и ничем неограниченная власть над калмыцким народом по прежнему принадлежит секретарю компартии Сталинградского Края, Варейкису. Он царь и бог над несчастным нашим народом.

О том, что правительство Калмыцкой республики не обладает никакой властью, свидетельствует хотя бы то, что секретарь крайкома Сталинградского Края делает выговор председателю совнаркома калмыцкой республики (“Улан Багчуд”), также и то, что калмыцкие верхи, даже по таким, казалось бы, важным и важнейшим вопросам, как постройка своей железной дороги, орошение и обводнение территории калмыцкой степи должны только робко просить центральную власть, что делает председатель совнаркома Пуреев в Совете Национальностей, просит эти вопросы хотя бы “включить в контрольные цифры строительства” (“Правда” от 15 янв. с. г., где помещена и фотография этого злополучного “совнаркома”).

Так для чего нужна была вся эта комедия с провозглашением республики?

Причина очень проста.

Для совласти, в ее нынешней политической игре ва Д. Востоке, необходим был лишний козырь. Не секрет, что в дальневосточных событиях Монголия, ее территория, ее население будут играть огромную роль. Поэтому, большевикам, в их пропаганде среди монголов, нужен был и калмыцкий козырь. Ибо известно, что монголы, почитающие кал-

мыков своими братьями, прислушиваются, присматриваются к тому, что делается у калмыков на Волге.

Не секрет также, какую большую антиманджурскую пропаганду развивают большевики в своей печати, успешно рекламируя правителей внешней Монголии, на которую, по сведениям большевиков, то и дело нападают манджуры.

О "фашистских нападениях" манджуров на Монголию большевики пишут не только в своих столичных газетах, но также и в провинциальных. Так, в одном из номеров астраханской газеты "Коммунист" было напечатано огромное заявление "председателя совета министров монгольской республики". В другом номере той же газеты напечатано такое же заявление-протест "председателя монгольской делегации" — Самбу. А в номере от 26 декабря той же газеты напечатано "Протест Монгольского Правительства" за подписью "председателя совета министров и министра иностранных дел монгольской народной республики" — Чей-Болсана.

Во всех этих "протестах", сопровождаемых соответствующей советской "приправой", манджуры выставляются в образе страшного волка, пожирающего шевинного монгольского ягненка!

Из всего этого (да и без этого было ясно!) явствует, какое огромное значение в настоящее

время имеет для большевиков "монгольский плацдарм", Монголия.

И вот большевики, как отличные пропагандисты, в снешном порядке провозгласили Калмыцкую Республику и загрубили во все советские трубы о счастье, радости и благоденствии калмыцкого народа в "стране трудящихся" под мудрым руководством "величайшего вождя трудящихся мира — Сталина"! Это им нужно было для воздействия на настроение монголов, для привлечения их симпатии на свою сторону. Так, для большой политической игры большевиков на Востоке, понадобилось возвести на бумаге в высший ранг наш несчастный народ!

Но, думается и верится нам, что на этот раз очковтвирательством большевики не склонят симпатию народов на свою сторону. Этот ход им сослужил однажды хорошую службу, когда, на другой стороне, ген. Деникин своей преступной политикой объявления войны всем народам, губил и топил освободительную борьбу народов против большевиков.

Хочется нам верить, что наши братья-монголы на такую простую удочку не клюнут и, твердо оберегая себя от красного яда, найдут способ, пути и достаточной силы для того, чтобы освободиться окончательно от влияния московских красных палачей.

САНДЖИ БАЛЫКОВ.

ЛЮБОВЬ ОПОЯСАННАЯ

Моей жене Дорджме Бадьминовне посвящаю этот рассказ.

Долма оказалась единственной девочкой в станичной школе. Среди шумной оравы драчливых и шаловливых мальчиков, сиротой барашком среди злых волченят она почувствовала себя.

Только Дордже Одьбинов, единственный из мальчиков, не участвовал в драках и шалостях товарищей. Чистенький и смиренный, заложив руки в карманы черного кафтана, раздумываясь от прохлады пухленькими щечками на чистеньком личике, степенно шел он домой в стороне от воюющих мальчиков.

Поэтому маленькая и робкая смуглянка Долма, часто шмыгая носом, молча приблизилась к Дордже и пошла с ним рядом в своем зеленом ватном кафтане, с черной котиковой круглой шапочкой на остриженной копне смоляных волос.

Дордже не протнал ее, не толкнул и ножку не подставил, как сделали бы другие. Изредка бросая на нее мягкие и добрые взгляды, он молча прошел с ней весь путь от школы до своего двора.

Когда он повернул с улицы к своему дому, Долма благодарно и ласково улыбнулась ему, и оставшийся до своего двора квартал пробежала бегом. С того разу у них молчаливо наладился порядок — вместе ходить из школы домой.

Они были дети. Второкласснику Дордже Одьбинову, сыну бедных родителей, было двенадцать лет, Первокласснице Долме Авелькиной, дочери богатого кузнецовщика, десять лет. Они подружились. Весь путь от школы до двора Одьбинова они проделывали в тихих детских разговорах.

Так провели они две зимы. На третью зиму они не увиделись. Дордже кончил школу. Как первого ученика, станица определила его учиться дальше на общественный счет, и отец отвез его далеко-далеко в русский город, куда нужно день ехать на лошадях и целые сутки поездом.

А родители Долмы в тот год переехали в свою казару за сотню верст от станицы и наняли Долме домашнюю учительницу.

Друзья — Долма и Дордже — надолго расстались. Но когда Долма вспоминала свою далекую станицу, то она всегда думала о краснощеком мальчике с приветливыми глазами и чистым личиком. А Дордже, смугливший в большом шумном русском городе и, скучая по своей тихой станице на Салу, часто выдвигал себя рядом со смуглой, как галчонок, словоохотливой Долмой с лучистыми черными узкими глазенками.

Они были дети, но и в детских душах закрепились привязанность друг к другу.

Прошло девять лет. Много изменилось за это время в тихой имальной Батлаевской станице на Салу. Умножились красивые разноцветные деревянные домики, почти всюду протнулись деревянные частозолы, зазеленела станица садами, гуще стало на гумнах и во дворах. На месте покосившегося маленького домика, куда бегали учиться Долма и Дордже, стояло прекрасное каменное здание с большими окнами, с садом и огородом, с казелями и высокой лестницей во дворе. В хуруле, окруженный легкими деревянны-

www.elan-kazak.ru